

ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

Д. М. Котышев

«РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ В XI – НАЧАЛЕ XII ВЕКА

В статье рассматриваются узловые проблемы политического развития Южной Руси в XI – начале XII в. На основании анализа совокупности данных, содержащихся в источниках, автор приходит к необходимости подвергнуть ревизии целый ряд традиционных оценок ключевых событий XI – начала XII в.: завещания Ярослава, Любечского съезда и т. п. Автором статьи предложено собственное видение процессов политического развития Южной Руси; выделены ключевые моменты их эволюции. Основные тенденции – трансформация системы междукняжеских отношений («родовой сюзеренитет») и возвышение периферийных городских центров «Русской земли». Их реализация создает к началу XII в. предпосылки разукрупнения «Русской земли» на самостоятельные составляющие – Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли.

Ключевые слова: Южная Русь, «Русская земля», междукняжеские отношения, древнерусский город, завещание Ярослава Мудрого, Любечский съезд князей, «родовой сюзеренитет», князь, вече.

Ко времени смерти Владимира Святославича структура «Русской земли» определяется окончательно – это Южная Русь, непосредственно подчиненная Киеву («внутренняя Русь» Константина Багрянородного), представляющая в значительной мере оформившийся город-государство или политию, и подчиненная этой «внутренней» Руси «внешняя» Русь¹. При этом окончательное подчинение окрестных территорий (Новгород, Волынь, Смоленск, Северщина) Киеву происходит в самом конце X в. Многочисленные данные археологических исследований показывают весьма схожую картину: в конце X в. на территории Юго-западной Руси и в Подесенье многочисленные племенные центры прекращают свое существование, а вблизи них возникают новые поселения, являющиеся центрами киевского господства на этих территориях².

Т. о., такой тип раннего государства, возникающий в эпоху Владимира Святославича, оказывается, по сути мультиполитией³ (т. е. подчинением одному городу-государству сопредельных – В. В. Пузанов называет это федерацией⁴). В рамках складывающейся мультиполитии формируется коллективный носитель публичной власти – род потомков Владимира Святославича – выступающий по отношению к Русской земле как нераздельный владетель.

На протяжении XI в. происходит трансформация Русской земли как раннегосударственного образования.

На указанном временном отрезке развитие среднеднепровской государственности характеризуется наличием нескольких параллельно развивающихся тенденций. Первая тенденция – это возвышение и развитие городских центров Руси, причем не только столичных, но и периферийных. Рост и развитие городских посадок отражает формирование нового типа социальной организации – городской общины. Она как самостоятельная сила заявляет о себе с сер. 60-х гг. XI в., становясь одной из главных действующих сил, и заставляет считаться с собой княжескую власть. Особенно наглядно это подтверждают события в Киеве конца 60-х гг. XI в. и в Новгороде начала 70-х гг. XI в., приведшие к изгнанию правящих на тот момент князей⁵.

Вторая тенденция – эволюция системы междукняжеских отношений, определяемая в современной исторической науке как «родовой сюзеренитет».

Являясь во многом институтом догосударственной эпохи, родовой сюзеренитет представлял собой систему архаичных отношений между субъектами правящего рода, опирающуюся на принцип равенства всех наследников и нераздельное совладение в управлении подвластными территориями⁶.

Отсутствие до сер. XI в. механизмов урегулирования конфликтов при братских разделах по смерти отца приводило к тому, что все вопросы престолонаследия решались путем внутрисемейной борьбы, заканчивающейся фактическим устранением конкурентов и концентрацией власти в руках победителя⁷.

Этот маятниковый характер перераспределения власти на протяжении нескольких поколений сообщал системе родового сюзеренитета известную устойчивость и препятствовал дроблению власти, физически пресекая неконтролируемое разрастание правящего рода. Это обстоятельство во многом предопределило возникновение стереотипа восприятия власти на Руси в X в. как централизованной структуры⁸.

Принятие христианства и внедрение в общественное сознание древнерусского общества этических норм христианства делегитимизировало принципы политической борьбы, лежащие в основе родового сюзеренитета. Потребовался новый механизм урегулирования властных отношений в княжеской семье, и таковым стал сеньорат, введенный в политическую практику «рядом» Ярослава 1054 г.⁹ «Ряд» 1054 г. снизил накал междоусобной борьбы и фактически положил начало стремительному разрастанию числа потомков Ярослава. В итоге к концу XI в. они оформились в три самостоятельных княжеских клана¹⁰.

Таким образом, две вышеуказанные тенденции – возвышение периферийных городов и оформление на базе общего рода Ярослава самостоятельных кланов или династий во второй половине XI в., – наложившись друг на друга, дали мощный резонирующий эффект.

Возвышение периферийных городских центров Русской земли, благодаря ряду Ярослава, получивших собственные княжеские столы, стремительно ускорило¹¹. Городские общины Чернигова и Переяславля справедливо усматривали в Святославичах и Всеволодовичах гарантию собственного суверенитета, всячески поддерживая их в борьбе с киевским доминированием. В свою очередь, княжеские корпорации рассматривали союзные города как мощный инструмент для разрешения своих, междукняжеских противоречий.

Особенно явственно это проявилось во второй половине 80 – начале 90-х гг. XI в., когда на пространстве Южной Руси интересы городских общин и княжеских кланов переплелись в самых причудливых формах. С одной

стороны видно, как возвышающаяся община Чернигова стремится во чтобы то ни стало освободиться от доминирования Киева, делая ставку на потомков Святослава Ярославича. С другой стороны, киевляне опираясь на поддержку князя Всеволода Ярославича, стараются не допустить падения киевской гегемонии в Русской земле и, следовательно, распада мультиполитии.

Сами князья при этом действуют далеко не как послушные исполнители воли городских общин, но, напротив, стремятся извлечь из своего союза с той или иной политией максимум выгод для себя и своего клана. Так, Святославичи стремились упрочить свои политические позиции в землях Черниговщины, прилагая все усилия для «автономизации» от Киева.

Политика Всеволода Ярославича на протяжении конца 70-х – начала 90-х гг. характеризуется неоднозначно. Он выступал в это время на политической арене как *последний* представитель старшего поколения Ярославичей. В этом статусе Всеволод получил уникальный шанс воплотить в жизнь завещание отца как своеобразный «политический проект» киевского сеньората. В основе этого проекта лежала идея политического контроля над Русской землей силами одного княжеского семейства, как это и было сформулировано в ряде Ярослава 1054 г.¹²

Основной точкой активности политики Всеволода после смерти своего брата Изяслава стало Черниговское княжение. Напомню, что после переговоров с вернувшимся из Польши Изяславом Всеволод не стал возвращаться в Переяславль, предпочтя сохранить за собой черниговский стол¹³. Олег же, как свидетельствует ПВЛ, был у Всеволода в Чернигове¹⁴. Вероятнее всего, Олег Святославич предпринял попытку добиться отчего стола, но его действия не увенчались успехом, о чем говорит его бегство от Всеволода в Тмутаракань.

Дальнейшие события также представляют для понимания политики Всеволода несомненный интерес. На протяжении 6587 (1079) г. произошли события, касающиеся двух Святославичей: Романа и Олега. Роман, по свидетельству ПВЛ, пытался чего-то добиться от Всеволода при помощи половцев, однако благодаря усилиям киевского князя «створи мирь с половци». В итоге «възратися Романъ с половци въспять и убиша и половци». Практически сразу же летопись сообща-

ет о том, что Олега Святославича «емше козаре поточиша и за море Цесарюграду»¹⁵.

Это обстоятельство вкупе с гибелью Глеба Святославича¹⁶ заставляет предположить определенную закономерность в данных действиях – на протяжении года с политической сцены сошли (в двух случаях – безвозвратно) трое из претендентов на черниговский стол. Таким образом, к началу 1090 г. ни одного из потомков Святославичей (за исключением, может быть, Давыда¹⁷), в пределах южной Руси никого не осталось. К этому моменту распределение столов в «Русской земле» выглядело следующим образом – сам Всеволод княжил в Киеве, Владимир Всеволодович – в Чернигове, а Переяславль, вероятнее всего, оставался в руках Ростислава Всеволодовича¹⁸.

Таким образом, после 1079 г. в «Русской земле» фактически воспроизводится ситуация последних лет княжения Ярослава – князь-отец сидит в Киеве, под контролем его сыновей находятся два других значительных княжеских стола «Русской земли». Последняя оказывалась, таким образом, под полным контролем семейства Всеволода.

Рискну предположить, что результаты такой политики последнего из Ярославичей явились не только результатом его собственных усилий, но и результатом поддержки со стороны городской общины Киева. Стремления Всеволода сохранить под контролем своего клана *всю* «Русскую землю» одновременно означали и сохранение гегемонии Киева, достигнутой в эпоху Владимира и Ярослава¹⁹. Эта политика на тот момент объективно совпала с настроением жителей киевского города-государства, поэтому поддержка киевлян оказалась на стороне Всеволода. Это и обусловило результаты его политики.

Смерть Всеволода Ярославича и вокняжение Святополка означали для Южной Руси смену исторических эпох. Вместе со Всеволодом в небытие ушло не только первое поколение Ярославичей, но и сама система отношений, созданная «рядом» 1054 г. Совокупность имеющихся на сегодняшний день фактов позволяет согласиться с мнением, высказанным А. П. Толочко, что политический порядок, сформированный «рядом» 1054 г. действовал только в среде сыновей Ярослава и не распространялся на его внуков²⁰. Обширному княжескому потомству конца XI в. необходимо было создавать новые механизмы регуляции собственных взаимоотношений.

Наглядным подтверждением этого тезиса стала ожесточенная борьба за черниговский стол, вспыхнувшая сразу после смерти Всеволода. Мономах после смерти отца вынужден был оставить киевский стол старшему двоюродному брату Святополку²¹. Причина таких действий кроется не только в «братолюбии» переяславского князя и его нежелании нарушать устоявшийся порядок, сколько, по-видимому, в существовавшей договоренности между Изяславом и Всеволодом относительно судеб киевского стола²². В этой ситуации вызывает вопрос упорное стремление как самого Всеволода Ярославича, так и Мономаха удержать в своих руках черниговский стол. Чем было обусловлено такое стремление? Ведь по ряду 1054 г. Чернигов был закреплен за Святославом и Всеволодом, равно как и его потомки, не могли иметь на него династических прав.

Но дело, как мне представляется, не только в стремлении Всеволода реализовать проект «киевского сеньората», и в желании Киева сохранить гегемонию в «Русской земле». Безусловно, все эти факторы присутствовали в тогдашней политической жизни. Но была еще и другая проблема: киевское княжение Святослава Ярославича (1073–1077) создало прецедент, в результате которого Чернигов стал рассматриваться как второй по статусу город «Русской земли». Черниговское княжение открывало дорогу к киевскому столу. На мой взгляд, именно княжение Святослава сформировало иерархию городов Среднего Поднепровья, просуществовавшую до начала XII в.²³

События начала 90-х гг. XI в., развернувшиеся на территории Южной Руси, прямо говорят о кризисе «политического проекта» Всеволода Ярославича. Попытка претворения в жизнь «киевского сеньората», опирающегося на ряд 1054 г., наталкивалась сразу на два серьезных препятствия. Это, во-первых, не только родовые, но и семейные претензии князей на столы²⁴, и, во-вторых, набирающие силу тенденции к обособлению частей Русской земли, особенно Черниговщины²⁵. Переяславская земля в силу своего пограничного статуса была вынуждена сконцентрироваться на борьбе с половецкой угрозой, а в разрешении этого вопроса она во многом зависела от Киева.

Как раз половецкая опасность стала одной из актуальных проблем южнорусской жизни

рубежа XI–XII вв. Анализ русско-половецких столкновений, начавшихся с момента вокняжения Святополка (1093–1096 гг.) наглядно показывает, что, выступая разобщено и действуя «от обороны», русские рати раз за разом упускали из рук стратегическую инициативу.

Внезапный прорыв орды Боняка под стены днепровской столицы в 1096 г.²⁶ стал последней каплей, переполнившей чашу терпения жителей «Русской земли». Тем более, что это произошло на фоне развернувшейся борьбы Олега Святославича с коалицией своих двоюродных братьев.

Становилось очевидно, что дальнейшее продолжение княжеских усобиц чревато непредсказуемыми последствиями. В этой обстановке в 1097 г. и собирается Любечский съезд. Абстрагируясь от созданных как старой, так и новой научной традицией историографических мифов, следует подчеркнуть, что главной задачей съезда было, как и в случае с «рядом» Ярослава, не создание «на века» нового политического порядка, а прекращение междукняжеских усобиц и консолидация сил для борьбы с половцами.

В результате событий 1097–1100 гг. произошло оформление нового триумvirата в рамках Русской земли. В состав этого триумvirата, как и во времена первых Ярославичей, вошли киевский, черниговский и переяславский князья – Святополк, Владимир и Давыд²⁷.

Как следует из постоянного упоминания князей на пространстве летописных сводов за период конца XI – начала XII в.²⁸, в статусе черниговской княжеской корпорации произошли серьезные изменения. Согласно аргументированному мнению М. Димника, Олег Святославич был старшим в роду Святославичей²⁹. Однако по итогам съезда Чернигов достался не ему, а младшему Давыду.

Какие же последствия имела подобная рокировка? Во-первых, менялась политическая ситуация во всей Южной Руси. Перечни князей-триумvиров, о которых уже упоминалось выше, показывают, что черниговская корпорация в лице Давыда оказалась отодвинута на третье место, а второе занял Мономах. Конечно, есть соблазн отнести эти изменения к конъюнктурной правке текста третьей редакции ПВЛ в угоду Мономаху³⁰. Однако подобный распорядок старшинства отмечен в независимых от ПВЛ источниках. Речь, в первую очередь, идет о «Житие и хождении Даниила Русьския земли игумена»,

созданном в начале XII в.³¹ В тексте памятника содержится уникальный перечень русских князей, которых Даниил вписал в синодик «в лаврѣ у святого Савы; и нынѣ поминаются имена их во октении, с женами и дѣтьми их. Се же имена их: Михаилъ Святополкъ, Василие Владимиръ, Давыдъ Святославич, Михаилъ Олегъ, Панькратіе Святославич, Глѣбъ Менский»³².

Показательно, что в большинстве редакций «Хождения» (М. А. Веневитиновым были выявлены три полные и две сокращенные редакции)³³ Давыд и Олег Святославичи упомянуты именно в таком порядке старшинства³⁴. Поэтому стоит согласиться с теми исследователями, которые полагают, что в княжеском перечне «Хождения» отразилась действительная княжеская иерархия начала XII в.³⁵

Таким образом, решения Любечского съезда отразили изменение в статусе основных частей Русской земли. Как следует из постоянного упоминания князей на пространстве летописных сводов за период конца XI – начала XII в.³⁶, в статусе черниговской княжеской корпорации произошли серьезные изменения. В результате событий конца XI в. Святославичи утратили прежний статус, переместившись со второго места в иерархической лестнице на третье.

Этот факт отразил сразу несколько явлений тогдашней политической жизни. Во-первых, поражение Олега Святославича несколько сбавило рост антикиевских настроений в жизни Черниговщины. Во-вторых, некоторое затухание центробежных тенденций, связанное с появлением на черниговском столе Давыда Святославича, отсрочило на время отпадение Чернигова от Русской земли. И в-третьих, удачные походы в степь 1103–1111 гг. позволили переломить стратегическую ситуацию в пользу Руси, оттеснив половецкие орды далеко от русских границ. В создавшихся условиях конца XI – начала XII в. за Киевом окончательно закрепился статус «старейшего города» как религиозного центра и места пребывания митрополита³⁷.

О понимании такого статуса Киева говорит и фраза составителя ПВЛ, вложенная им в уста Олега в летописной статье 6390 г.: «Се буди мати градомъ русьскимъ»³⁸. Комментируя это известие, Д. С. Лихачев предположил, что «слова Олега имеют вполне точный смысл: Олег объявляет Киев столицей Руси (ср. аналогичный термин в греческом: *μητρόπολις* –

мать городов, столица)»³⁹. Калька с греческого является, на мой взгляд, не просто воспроизведением/перенесением столичной сущности Константинополя на Киев, но отражением понимания древнерусскими книжниками Киева как «первопрестольного» града⁴⁰ (первопрестольная — первенствующая кафедра, *πρωεδρος, πρωτοθρονος*; данный титул встречается в печатях киевских митрополитов начиная со второй половины XI в.⁴¹).

Изменилась иерархия городов и волостей, выдвинув на второе место после киевского стола переяславский. Очевидность этого факта подтверждается событиями, развернувшимися после смерти Святополка. Вокняжение Мономаха на киевском столе закрепило традицию, заложенную правлением Всеволода Ярославича, и на долгие десятилетия превратило Переяславль во второй по значению после Киева южнорусский город-государство. Показательно, что после 1113 г. Переяславль вплоть до 50-х гг. XII в. рассматривался как промежуточное звено на пути к Киеву, пока не был оттеснен Белгородом.

Чернигов оказался на последнем месте, и это стремление отдалить мятежную землю и ее правителей на периферию от киевского стола возымело долгосрочные последствия. Понижение статуса Святославичей означало, по справедливому мнению А. В. Назаренко, фактическое превращение их в князей-изгоев⁴². На фоне дальнейшего обособления Черниговщины это давало мощный импульс центробежным тенденциям, которые в полный голос заявят о себе во второй четверти XII в.

Несмотря на активную консолидационную политику Мономаха, распад Русской земли как сложного мультиполитийного образования был делом времени. Именно в правление Владимира Всеволодовича наметились основные тенденции будущего разукрупнения ядра южнорусской государственности. И Черниговская земля в 30-е гг. XII в. **окажет**ся первым регионом, сделавшим шаг в этом направлении. Начало XII в., **свой заключительный** этап существования, Русская земля встречала в относительном спокойствии. Но это было затишье перед началом серьезных потрясений...

Примечания

¹ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 45. Об интер-

претации внутренней и внешней Руси в современной историографии см.: Петрухин, В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI вв. М.; Смоленск, 1995. С. 62–69.

² Об этом см.: Тимошук, Б. А. Восточнославянская община. М., 1991. С. 123–127; Шинаков, Е. А. Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 126–134.

³ О мультиполитии или суперсложном вожестве см.: Крадин, Н. Н.: 1) Политогенез // Архаическое общество. Узловые проблемы социологии развития. Ч. 2. М., 1991; 2) Кочевые общества. Владивосток, 1992; 3) Империя хунну. Владивосток, 1996; 4) Политическая антропология. М., 2000. С. 146.

⁴ См.: Пузанов, В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 357.

⁵ Об интерпретации этих сюжетов см.: Фроянов, И. Я.: 1) Вече в Киеве в 1068–1069 гг. // Из истории феодальной России: ст. и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л., 1980. С. 38–46; 2) Народные волнения в Новгороде 70-х гг. XI в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы: межвуз. сб. Л., 1985. С. 61–71. Обобщающая картина представлена в коллективной монографии: Фроянов, И. Я. Города-государства Древней Руси / И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко. Л., 1988. Построения И. Я. Фроянова вызывают критику со стороны ряда современных исследователей, см. напр., возражения П. В. Лукина относительно интерпретации сюжета с последствиями киевского восстания 1068 г.: Лукин, П. В. Зачем Изяслав Ярославич «взгнать торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // Средневековая Русь. 2007. Вып. 7. С. 31–55. Однако, несмотря на ряд интересных текстологических наблюдений, основной вывод статьи не показался мне достаточно убедительным.

⁶ О феномене нераздельного совладения см.: Назаренко, А. В.: 1) «Родовой сюзеренитет» Рюриковичей над Русью X–XI вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 150 и сл.; 2) Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской куль-

туры. М., 2001. Т. 1. Древняя Русь. С. 500–519; Толочко, А. П. Князь в Древней Руси : власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

⁷ Именно эту коллизию очень тонко подметил в начале XX в. А. Е. Пресняков, отмечая перманентный характер этой борьбы – «борьба идет каждый раз за всю отчину <...> и кончается лишь тогда, когда кто-то начнет один владеть в Русской земле». Иного выхода, по мнению ученого, не было – «с первого реального раздела владений между братьями-сыновьями перед Киевской Русью стоят только две возможности: восстановление единства путем борьбы или уничтожения родичей или дробление на ряд обособленных владений» – Пресняков, А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М. ; Л., 1938. С. 139. Более подробно эта мысль была развита ученым на страницах «Княжого права»: «Вопрос о преемстве в княжом владении древнейшего периода колеблется между перспективой раздела <...> на ряд отдельных линий, общего владения на ряд отдельных отчин, и политической необходимостью единства для интересов молодого государства, только что построенного усилиями целого ряда поколений...» – Пресняков, А. Е. Княжое право древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 34. В обоих случаях, как при Владимире, так и при Ярославе, побеждала «централизация», представлявшая не сколько сознательное политическое действие, сколько воплощение на практике архаических принципов властных отношений.

⁸ Для целого ряда советских и постсоветских историков характерны рассуждения о едином древнерусском государстве еще со времен Игоря; утверждения о том, что с середины X в. престолонаследие на Руси велось по прямой нисходящей линии. Так, О. М. Рапов, рассуждая о борьбе Ярополка за власть, говорил об «узурпации» власти (см.: Рапов, О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII ст. М., 1977. С. 32–34). О прямом нисходящем наследовании пишет и М. Б. Свердлов, см.: Свердлов, М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 33. Эти же идеи воспроизведены и в новейшей работе историка, см.: Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 241–243.

⁹ Назаренко, А. В. Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава

Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 30–54.

¹⁰ Под термином «княжеский клан», вслед за А. Р. Гуциным, я предлагаю понимать «большую группу князей, объединенных общим, более близким, чем Владимир Святой, родоначальником и сходными политическими интересами» (Гущин, А. Р. Структура княжеского рода в домонгольский период // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства : VIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1996. С. 17).

¹¹ По точному определению В. В. Пузанова, «ряд Ярослава создавал прецедент для легитимации сепаратистских устремлений <...> Чернигова и Переяславля по отношению к Киеву...» (Пузанов, В. В. Древнерусская государственность : генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 357).

¹² Назаренко, А. В. Древнерусское династическое старейшинство... С. 31, 54; на это же обстоятельство я обращал внимание ранее, см.: Котышев, Д. М. «Ряд» Ярослава 1054 г. : историографические и исторические проблемы // Историк и его дело : судьбы ученых и научных школ : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. к 90-летию со дня рождения проф. Василия Евгеньевича Майера. Ижевск, 2008. С. 182–190.

¹³ См. известие ПВЛ под 6586 (1078) г.: «Всеволодъ же иде противу брату Изяславу на Волынь, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ съде Киевѣ, мѣсяца июля 15 день. Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ» (ПВЛ. С. 85).

¹⁴ Вероятнее всего, в Чернигове Олег оказался после возвращения Изяслава, о чем свидетельствует «Поучение» Мономаха – «И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах и к собѣ на обѣдъ со отцем в Черниговѣ на Краснѣмъ дворѣ и вдахъ отцю 300 гривен золота» (ПВЛ. С. 102). Вероятнее всего, по возвращении Изяслава между ним и Всеволодом была достигнута договоренность, согласно которой во Владимире-Волынском вокняжился Ярополк Изяславич, см.: Назаренко, А. В. Владимир Мономах и киевское престолонаследие : традиция и попытка реформы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 280. О волынском княжении Олега

до 1078 г. см.: Ивакин, И. М. Князь Владимир Мономах и его поучение. М., 1901. Ч. 1. С. 150; Рапов, О. М. Княжеские владения на Руси. С. 101; Войнович, Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 373.

¹⁵ См.: ПВЛ. С. 87. Интересно, что эти акции позднее под пером летописца были осмыслены как единое мероприятие – вернувшись из Византии, Олег «исѣче козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата и его самого» (Там же. С. 87). Из Константинополя Олег был послан на остров Родос, где и провел пять лет, о чем сообщает игумен Даниил на страницах своего «Хождения», см.: Хождение игумена Даниила // Памятники литературы древней Руси. XII век. М., 1980. С. 30 («И в томъ островѣ был Олег, князь русский 2 лѣтъ и 2 зимѣ »).

¹⁶ Этот вопрос тоже представляет несомненный интерес. Дата смерти Глеба Святославича в ПВЛ – 6586 (1078) – единственное упоминание такого рода. Новгородская летописная традиция датирует это событие следующим 6587 (1079) г. – «Того же лѣта убиень бысть Глѣбъ Святославичъ в Заволочии майя 30» (Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 3. М., 2000). Достоверность этого сведения подтверждается и сообщением Киево-Печерского патерика, см.: Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 37. Любопытные данные встречаются в перечне князей Новгородской Первой летописи под 989 г.: «...и выгнаша из города и бѣжа за Волокъ и убиша Чюдъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 161). Ряд исследователей склонен усматривать взаимосвязь событий 1078 г. с выступлением новгородцев под предводительством волхва в 1071 г., см.: Лихачев, Д. С. Комментарии // ПВЛ. С. 503; Фроянов, И. Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 179–182; Петров, А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские убоицы : к изучению древнерусского вечевоего уклада. СПб., 2003. С. 109.

¹⁷ На страницах ПВЛ Давыд Святославич впервые упомянут под 6603 (1095) г. как новгородский князь, которого новгородцы заменили на Мстислава Владимировича: «Сего же лѣта исходяща, идее Давыдъ Святославичъ из Новагорода Смолиньску; новгородцы же идоша Ростову по Мстислава Володимерича» (ПВЛ. С. 96). Вероятно, основываясь на этом

факте новгородского княжения, В. Н. Татищев сообщал, что в марте 1073 г. Святослав Ярославич посадил своего сына Давыда на новгородское княжение, см.: Татищев, В. Н. История Российская. Т. 2. М. ; Л., 1962. С. 92. О. М. Рапов полагал, что Давыд княжил в Новгороде до 1076–1077 гг., пока его не сменил Глеб Святославич; Л. В. Войтович полагает, что в 1076–1093 гг. Давыд являлся муромским князем, см.: Рапов, О. М. Княжеские владения... С. 98; Войтович, Л. В. Княжа доба. С. 372.

¹⁸ Под 6601 (1093) г. в ПВЛ Ростислав фигурирует, как переяславский князь: «И размысливъ, посла (Владимир Мономах – разрядка моя) по Святополку Турову, а самъ идее Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю» (ПВЛ. С. 92). Это дало основания О. М. Рапову предположить, что Ростислав «получил в держание Переяславскую землю еще при жизни отца» – Рапов, О. М. Княжеские владения... С. 139.

¹⁹ См.: Фроянов, И. Я. Города-государства древней Руси. Л., 1988; Пузанов, В. В. Древнерусская государственность. С. 357–358.

²⁰ См.: Толочко, А. П. Князь в древней Руси. Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 35–36.

²¹ См.: ПВЛ. С. 92.

²² О возможности такого соглашения см.: Назаренко, А. В. Владимир Мономах и киевское столонаследие... С. 280.

²³ Об иерархии городов в «Русской земле» см.: Пузанов, В. В. Древнерусская государственность. С. 271. Кроме того, В. В. Пузанов совершенно справедливо отмечает, что главной целью политики Всеволода «было укрепление позиций собственного семейства, обеспечение будущего своего дома» (Там же. С. 370–371).

²⁴ К числу таковых, на мой взгляд, относится факт погребения в Чернигове Святослава Ярославича. М. Д. Приселков специально отметил данное обстоятельство, указав, что это – первый случай «внекиевского погребения политического владельца Киева». По мнению ученого, главной причиной погребения Святослава в черниговском храме св. Спаса стала неприязнь киевского общества к Святославу как нарушителю «заповеди отней», что выразилось, помимо всего прочего, в отсутствии надгробного слова (см.: Приселков, М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 141). Развивая точку зрения М. Д. Присел-

кова, С. А. Высоцкий, к примеру, считал, что стремление окружения покойного князя сгладить негативное впечатление о нем у киевлян привело к появлению графитто, говорящего о внесении вклада в память о почившем князе (см.: Высоцкий, С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1, № 9. С. 41–45). Подобную же мысль развивает Л. В. Войтович, полагая, что сильное недовольство против Святослава, подогреваемое печерской братией, не позволило похоронить Святослава в Киеве – Войтович, Л. В. Княжа доба. С. 314. В. В. Пузанов, напротив, указывает на то, что «захоронение Святослава в Чернигове (в церкви св. Спаса, где лежал Мстислав Владимирович – первый черниговский князь-Рюрикович) должно было символизировать исключение прав Святославичей на Киев» – Пузанов, В. В. Древнерусская государственность. С. 368. Мысль о том, что погребение Святослава тоже является политической акцией Всеволода, представляется достаточно плодотворной, однако не исключается, на мой взгляд, и прямо противоположное обстоятельство – погребение Святослава рядом с прахом первого черниговского князя на сакрально-генеалогическом уровне закрепляло связь клана Святославичей с черниговским столом.

²⁵ Не последнюю роль в деле ухода Владимира Мономаха из Чернигова в 6602 (1094) г. сыграла и позиция горожан, не пожелавших оказать поддержки князю. Из летописного текста – «Володимеръ же затворися в градѣ. Олегъ же приде к граду и пожже около града и манастирьѣ пожже. Володимеръ жествори миръ съ Олгомъ и идее из града на столь отень» – недвусмысленно следует, что оказавшись в осаде, Мономах не получил поддержки черниговцев. Этот сюжет прекрасно дополняет сообщение «Поучения» Мономаха: «и Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову и бишася дружина моя с нимъ 8 дней о малу греблю и не владуче внити имъ в острогъ» (ПВЛ. С. 95, 103). В сражении участвовала только дружина Мономаха и это оказалось решающим обстоятельством. Комментарии этого сюжета см.: Голубовский, П. История Северной земли. Киев, 1881. С. 96; Мавродин, В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 206; Фроянов, И. Я. Города-государства древней Руси. С. 89; Пузанов, В. В. Древнерусская государственность. С. 375.

²⁶ См.: ПВЛ. С. 97.

²⁷ Оценки политической ситуации после Любечского съезда в южной Руси в исторической литературе довольно неоднозначны. Со времен А. Е. Преснякова была высказана мысль о том, что по итогам событий 1097 г. был возрожден триумvirат (Святополк, Владимир и Давыд), аналогичный триумvirату старших Ярославичей, см.: Пресняков, А. Е. Княжое право. С. 61. Н. Ф. Котляр, правда, склонен говорить о дуумvirате Святополка и Мономаха, причем, относит возникновение этого дуумvirата еще к 1096 г., см.: Котляр, Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 226 и след. В. В. Пузанов, на мой взгляд, более аргументировано, считает, что речь идет именно о триумvirате Святополка, Мономаха и Давыда, говоря о том, что «формируется новый союз Киева, Чернигова и Переяславля» (см.: Пузанов, В. В. Древнерусская государственность. С. 391).

²⁸ За период с 1097 по 1113 г. в тексте ПВЛ устойчиво употребляется словосочетание «Святополкъ, Володимеръ и Давыдъ». Стабильность такой формулировки дает основания предполагать, что перед нами основные действующие лица триумvirата.

²⁹ Dimnik, M. Dynasty of Chernigov 1054–1146. P. 38–39.

³⁰ Так, А. А. Гиппиус полагает, что запись о Любечском съезде принадлежит к числу древнейших слоев ПВЛ (записи т. н. Печерского свода, являющегося анналистическим продолжением Начального свода 1090-х гг.); пространная повесть об ослеплении Василька принадлежит уже автору ПВЛ, под которым А. А. Гиппиус склонен подразумевать Сильвестра (см.: Гиппиус, А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 9). Ему возражает Т. Л. Вилкул, считающая, что в текст статьи 6605 (1097) г. были внесены изменения, но эти изменения являются не только результатом работы редактора ПВЛ, но и ретроспективным вмешательством в текст самой ПВЛ составителем Киевского свода конца XII в., см.: Вилкул, Т. Л. : 1) О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica. XIII. 2005; 2) Известия «Повести временных лет» о Любечском снеме 1097 года : интерпретации и ошибочные чтения // Славяноведение. 2009. № 2. С. 19 (прим. 8). Как показывают наблюдения А. А. Гиппиуса,

состав статей ПВЛ за 90-е гг. XI в. Достаточно гетерогенны как в языковом, так и в повествовательном отношении (см.: Гиппиус, А. А. Языковая гетерогенность и качество нарратива в «Повести временных лет» // Древ. Русь. Вопр. медиевистики. 2007. № 3(29). С. 29–30). Вопрос о том, насколько радикально привились известия конца XI – начала XII в., требует, на мой взгляд, дополнительных исследований; точка зрения Т. Л. Вилкул (см.: Вилкул, Т. Л. Володимир Мономах : текст і версії // Україн. іст. журн. 2004. №. 1). Свою точку зрения на проблему редактирования известий конца XI – начала XII в. в составе ПВЛ мне приходилось высказывать неоднократно, см.: Котышев, Д. М. : 1) Летописные статьи о походе на половцев 6618 и 6619 гг. в составе Повести Временных лет // Україн. іст. зб. Вип. 10. Київ, 2007. С. 245–257; 2) Летописная статья о походе на половцев 6618 г. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник : восприятие, отношение, интерпретация : XXI чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. (Москва, 14–17 апр. 2009 г.). М., 2009. С. 159–163; 3) «Царь» Михаил летописной статьи 6619 г. в Повести Временных лет // Древ. Русь. Вопр. медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 56–57.

³¹ Об авторстве Даниила см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 109–112.

³² Хожение игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980. С. 114.

³³ См.: Веневитинов, М. А. Хожение игумена Даниила в Святую землю в начале XII века // Летопись занятий Археографической комиссии. 1876–1877. СПб., 1884. С. 86–98.

³⁴ В ряде списков на третьем месте фигурирует Давыд Всеславич. И первый издатель «Хожения» А. С. Норов, и М. А. Веневитинов признали это ошибкой переписчиков (см.: Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века. СПб., 1864. С. 162; Веневитинов, М. А. Хожение игумена Даниила. С. 97).

³⁵ См.: Янин, В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хожение игумена Даниила» // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 112–131; Петрухин, В. Я. Древняя Русь : Князья, народ, религия // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 195.

³⁶ За период с 1097 по 1113 г. в тексте ПВЛ.

³⁷ Еще в начале XX в. А. Е. Пресняков справедливо указывал, что «основой для старейшинства Киев мог бы стать, если бы действительно был “политическим средоточием” в смысле центра политической власти над остальными волостями русской земли. А таким он был только для небольшой киевской волости...» (Пресняков, А. Е. Княжое право. С. 57). Однако это замечание большинством советских историков было незаслуженно проигнорировано, что привело к появлению расхожего клише относительно Киева как «столицы Древнерусского государства», кочующего из работы в работу. Только в последние десятилетия проблеме сакрально-религиозного статуса Киева стало уделяться большее внимание, см.: Ричка, В. М. «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). К., 2005; Данилевский, И. Н. Зарождение государственной идеологии в Древней Руси // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 134–152.

³⁸ ПВЛ. С. 14.

³⁹ Лихачев, Д. С. Комментарии // Там же. С. 409.

⁴⁰ На это обстоятельство обратил в свое время внимание А. В. Назаренко, см.: Назаренко, А. В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.) : тез. докл. науч. конф. (Москва, 3–5 дек. 1996 г.). М., 1996. С. 70–71).

⁴¹ Впервые титул такого рода встречается на печати, приписываемых митрополиту Ефрему: «Κ[όρι]ε β[οή] θ[ε] [ε] [Ε]φραίμ πρωτο[π]ρο-έδρ[ω] [κ]α[ι] μ[ι]τρο[πο]λίτ[η] Ῥωσσίας» – Господи, помози Ефрему, протопроедру и митрополиту России». Булла впервые была опубликована Н. П. Лихачевым (см.: Лихачев, Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. // Тр. Музея палеографии. Л., 1930. Т. 2. С. 11–12, рис. 8), на сегодня считается утерянной, см.: Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1, №. 42. С. 174. В литературе атрибуция данной буллы носит дискуссионный характер. Первоначально В. Л. Янин приписывал данную печать Ефрему Переяславскому, полагая, на основании данных Густынской летописи, что в 1092 . последний был поставлен на киевскую митрополию, см.: ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 63. – «Въ сие лѣто священъ

есть Ефрем Грек на митрополию Киевскую от Николая, третьего патриарха»; изложение первоначальной аргументации В. Л. Янина (см.: Янин, В. Л. Из истории русской художественной и политической жизни XII века // Совет. археология. 1957. № 1. С. 126–128). Иную точку зрения высказал А. Поппэ, отождествив Ефрема разбираемой печати с митрополитом Ефремом середины XI в. (позже В. Л. Янин поддержал эту точку зрения), см.: Поппе, А. *Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi* // *Przegląd historyczny*. 1964. Т. LV, № 3. S. 386; Янин, В. Л. Актовые печати. Т. 1. С. 46–47. Киевский митрополит Ефрем известен по сообщению НПЛ под 1055 г. и в записи Мстиславова евангелия об освящении храма св. Софии в Киеве 4 ноября, см.: ПСРЛ. Т. 3.

М., 2000. С. 183; Апракос Мстислава Великого. М., 1983. С. 234; Лосева, О. В. Русские месящесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 98–99. О митрополите Ефреме см. также: Щапов, Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 193–194; Поппэ, А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски, Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 451.

⁴² Назаренко, А. В. Владимир Мономах и киевское столоннаследие... С. 283.